

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 320–334, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.222

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-320-334

«Уложение Тимура» как источник по тактическому искусству чагатайских войск последней трети XIV – начала XV вв.

Леонид Александрович Бобров¹, Айболат Кайрслямович Кушкумбаев², Жаксылык Муратович Сабитов³, Агатай Уткирбай Мылтыкбайулы⁴

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Научный институт изучения Улуса Джучи (д. 2, блок 1, оф. 8, ул. Туркестан, 010016 Астана, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-7276-4849. E-mail: aibolat7@mail.ru

³ Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова (д. 1, пр. Студенческий, 060000 Атырау, Республика Казахстан)

PhD, исследователь

 0000-0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

⁴ Научный институт изучения Улуса Джучи (д. 2, блок 1, оф. 8, ул. Туркестан, 010016 Астана, Республика Казахстан)

докторант (археология и этнология), научный сотрудник

 0000-0002-8840-010X. E-mail: agatayotkirbay@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К., Сабитов Ж. М., Мылтыкбайулы А. У., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрены обстоятельства и история создания произведения, известного как «Уложение Тимура» («Tuzūkāt-i Tīmūgī» — «Тузукат-и Тимури»). *Цель статьи* — выявить место «Уложения Тимура» в комплексе письменных источников по тактическому искусству армии Амира Тимура последней трети XIV – начала XV вв. *Результаты.* В ходе исследования установлено, что «Уложение» представляет собой сложносоставное произведение, скомпилированное из текста, якобы обнаруженного в первой трети XVII в. в Аравии Абу Талибом Турбати, вставок переводчика и переписчика XVII в., фрагментов тимуридских сочинений первой четверти XV в., а также правок, сделанных могульским историком Мухаммедом Ашрафом Бухари. Работа над финальным вариантом «Уложения Тимура» была закончена не ранее второй четверти XVII в. Разделы, посвященные тактике чагатайских войск Амира Тимура, по всей видимости, представляют собой комбинацию сведений, почерпнутых составителя-

ми «Уложения Тимура» из тимуридских письменных источников XV в., а также их интерпретаций с учетом сефевидской и, возможно, могольской боевой практики более позднего времени. Содержащиеся в «Уложении» описания боевых построений и тактических приемов не могут быть автоматически экстраполированы на военные реалии эпохи Амира Тимура. Вместе с тем «Уложение Тимура» позволяет уточнить некоторые особенности тактики чагатайских войск, которые упомянуты в тимуридских «Зафар-наме». Некоторые из этих описаний не до конца понятны современным исследователям, но были очевидны для авторов XVII в. Таким образом, «Уложение Тимура» может помочь в «дешифровке» некоторых сложных или спорных описаний тактики, содержащихся в тимуридских источниках конца XIV – первой четверти XV вв.

Выводы. Вычленение данных о тактике армии Амира Тимура последней трети XIV – начала XV вв. из общего массива сведений «Уложения» возможно на основе сличения его текста с «Зафар-наме» первой четверти XV вв. и другими произведениями тимуридского цикла.

Ключевые слова: «Уложение Тимура», «Тузукат-и Тимури» («Tuzūkāt-i Tīmūrī»), Чагатайский улус, Амир Тимур, Тимуриды, могулы, тактика ведения боя, тактика армии Амира Тимура, тактика тимуридских войск

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

Для цитирования: Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К., Сабитов Ж. М., Мылтыкбайулы А. У. «Уложение Тимура» как источник по тактическому искусству чагатайских войск последней трети XIV – начала XV вв. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 2. С. 320–334. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-320-334

Tuzūkāt-i Tīmūrī as a Source on Chagatai Military Tactics, Late Fourteenth to Early Fifteenth Centuries

Leonid A. Bobrov¹, Aibolat K. Kushkumbayev², Zhaksylyk M. Sabitov³, Agatay U. Myltykbayuly⁴

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

² Institute for the Study of Jochi Ulus (2/1, Office 8, Turkestan St., 010016 Astana, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-7276-4849. E-mail: aibolat7[at]mail.ru

³ Dosmukhamedov Atyrau University (1, Studenchesky Ave., 060000 Atyrau, Republic of Kazakhstan)

PhD, Reseacher

 0000-0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov[at]gmail.com

⁴ Institute for the Study of Jochi Ulus (2/1, Office 8, Turkestan St., 010016 Astana, Republic of Kazakhstan)

PhD Student (Archaeology and Ethnology), Research Associate

 0000-0002-8840-010X. E-mail: agatayotkirbay[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Sabitov Zh. M., Myltykbayuly A. U., 2024

Abstract. Introduction. The article examines some historical and other related circumstances behind the creation of *Tuzūkāt-i Tīmūrī* (The Code of [Amir] Timur). **Goals.** The paper seeks to identify the narrative's place in a variety of written sources on Chagatai military tactics of the late fourteenth to early fifteenth centuries. **Results.** The study discovers The Code is a composite work compiled from a text allegedly found in Arabia by Abu Talib Turbati in the early seventeenth century, subsequent comments of a translator and a copyist, some fragments of Timurid writings dated from the early fifteenth century, and corrections introduced by the Mughal historian Muhammad Ashraf Bukhari. The final version of *Tuzūkāt-i Tīmūrī* was completed between the mid-1620s and 1650s at the earliest. The sections about tactics of Amir Timur's Chagatai army are very likely a combination of messages borrowed by the compilers from fifteenth-century Timurid written sources — and their own interpretations of Safavid (and possibly Mughal) combat practices of later times. Descriptions of combat formations and tactical techniques contained in *Tuzūkāt-i Tīmūrī* cannot be merely extrapolated to

military realities of Amir Timur's era. However, the narrative does clarify some specifics of Chagatai combat tactics mentioned in the Timurid *Zafarnamas* (ones by Nizam al-Din Shami and Sharaf ad-Din Ali Yazdi). Some of the descriptions are not that clear to contemporary researchers while those were obvious enough to the seventeenth-century authors. For this reason, The Code can be most instrumental in 'deciphering' some complicated or controversial patterns of tactics contained in Timurid sources of the late fourteenth and early fifteenth centuries. *Conclusions.* It is possible to highlight data pertaining to Chagatai combat tactics of the designated period through comparing the text of *Tuzūkāt-i Tīmūrī* to those of early fifteenth-century *Zafarnamas* and other works of the Timurid era.

Keywords: *Tuzūkāt-i Tīmūrī*, Chagatai Ulus, Amir Timur, Timurids, Moghuls, combat tactics, tactics of Amir Timur's army, tactics of Timurid armies

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. ИРН BR18574101.

For citation: Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Sabitov Zh. M., Myltykbayuly A. U. *Tuzūkāt-i Tīmūrī* as a Source on Chagatai Military Tactics, Late Fourteenth to Early Fifteenth Centuries. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 320–334. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-320-334

1. Введение

По мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, военное искусство Амира Тимура (1336–1405 гг.) является высшей стадией развития традиционного военного дела Мусульманского Востока¹. Оно вобрало в себя наиболее эффективные элементы боевой практики тюрко-монгольских кочевников Великой степи, а также оседлого населения Мавераннахра и сопредельных территорий.

Военно-культурное наследие великого завоевателя Востока вот уже более столетия привлекает внимание военных историков и оружейников многих стран мира. Актуальность подобных научных исследований наглядно отображают работы российских, узбекских, казахстанских, турецких, французских, британских, венгерских, американских ученых конца XX – начала XXI вв. [Бобров 2003: 76–80; Бобров 2011: 21–24,

33–34, 42, 44; Бобров 2016; Бобров 2018; Бобров 2021; Бобров 2023: 464–480; Бобров, Хайдаков 2019: 126–144; Бобров, Худяков 2002: 110–113, 143–147, 150; Ибяттов 2003: 2–300; Йазди 2008: 3–10; Костюков 2010: 174–182; Миргалеев 2003: 4–86; Миргалеев 2007: 3–108; Миргалеев 2011: 173–180; Шомий 1996: 3–10; Andican 2019: 39–116; Csiky 2006: 439–491; Gorelik 1979: 39–51, 60–63; Kadoi 2010: 143–162; Manz 1989: 66–106, 173–175; Manz 1997: 43–56; Nicolle 1990: 5–62; Roux 1991: 84–290].

В то же время следует отметить, что далеко не все составляющие военно-культурного наследия некоронованного владыки Турана изучаются с одинаковой степенью интенсивности. Традиционно наибольший интерес специалистов вызывают различные аспекты военной истории Амира Тимура (конкретные войны, военные кампании, походы, сражения и т. д.). В то время как элементы военного дела этого выдающегося полководца (комплекс вооружения чагатайских войск, их организация и структура, осадное искусство, фортификация, военная стратегия и др.) изучены еще в недостаточной степени. Особый интерес в данной связи представляет тактическое искусство Тимура, во многом предопределившее его доминирование на полях евразийских сражений конца XIV – начала XV вв.

Поскольку принципы организации современной военной науки несколько отличаются от средневековой военной практи-

¹ Несколько позднее высокий уровень развития военного искусства также продемонстрировали вооруженные силы Османской империи. Однако эталонная боевая практика турок-османов развивалась уже в эпоху «Пороховой революции» и в значительной степени была обусловлена эффективным применением ручного огнестрельного оружия и артиллерии. Таким образом, в исторической перспективе военное дело турок-османов середины XV–XVI в. можно рассматривать как инновационный элемент в военном искусстве народов Мусульманского Востока. Столкновение же традиционной османской армии с чагатайскими войсками в начале XV в. завершилось военным триумфом Амира Тимура.

ки, считаем необходимым пояснить, что под тактикой (тактическим искусством) в настоящей работе подразумевается одна из составных частей военного дела, которая включает теоретические и практические аспекты ведения боя. Среди базовых элементов средневековой тактики следует отметить боевой строй, а также тактические приемы ведения сражения. В числе дополнительных элементов можно упомянуть вопросы подготовки боя, развертывания войсковых частей и соединений, организацию и ведение тактической разведки, организацию отступления или преследования и некоторые другие вопросы [Бобров 2021: 19, 20].

Всестороннее изучение тактического искусства чагатайской армии времен Амира Тимура возможно на основе комплексного анализа различных видов источников: в первую очередь, письменных, изобразительных и вещественных материалов второй половины XIV – первой четверти XV вв.

Ключевую роль в реконструкции тактических приемов чагатайских армий рассматриваемого периода играют произведения тимуридских авторов конца XIV – первой четверти XV вв.: «Дневник похода Тимура в Индию», принадлежащий перу Гийас ад-Дина Али, а также две «Книги Побед» («Зафар-наме»), подготовленные тимуридскими историографами Низам ад-Дином Шами и Шараф ад-Дином Али Йазди соответственно. Первая из указанных книг была завершена в 1404 г., а вторая — в 1424–1425 гг.

Указанные произведения содержат подробные описания военных кампаний Амира Тимура. Важное значение имеет тот факт, что обе «Книги Побед» основаны на документах времен Амира Тимура и сообщениях его современников, в том числе непосредственных участников описываемых событий [Шомий 1996: 5–10; Золотая Орда 2003: 307, 367; Йазди 2008: 3–5]¹.

¹ С 1415 г. по 1435 г. Шараф ад-Дин Али Йазди состоял на службе у Ибрахима Султана — сына Шахруха и внука Амира Тимура. Считается, что именно Ибрахим Султан являлся главным инициатором создания нового варианта «Зафар-наме». В 1419–1420 гг. (т. е. примерно через 15 лет после кончины великого завоевателя) он приказал собрать все имеющиеся в наличии тюркские и персидские документы об Амуре Тимуре и передал их Йазди для работы над произведением. Некоторые источники специально зачитывались в присутствии участников событий, которые либо

Еще одним письменным источником, который достаточно широко привлекался (и привлекается) исследователями для характеристики тактического искусства чагатайских и золотоордынских армий последней четверти XIV–XV вв., является так называемое «Уложение Тимура», известное также под названиями «Воспоминания Сахибкيرانа» («Ваки ат-и Сахи-Кирани»)² и «Изречения Тимура» («Малфузат-и Тимури»)³. Однако отношение к данному источнику в научной среде весьма неоднозначное [Бартольд 1964: 201; Горелик 2002: 31; Csiky 2006]⁴.

Цель настоящей работы — уточнить место «Уложения Тимура» в источниковой базе по тактическому искусству чагатайских войск последней трети XIV – начала XV вв. Ранее данный вопрос еще не становился объектом отдельного научного исследования.

2. Общая характеристика источника

Широко распространенной является точка зрения, согласно которой текст «Уложения Тимура» был составлен как наставление потомкам по указанию Амира Тимура или даже самим великим завоевателем⁵. Текст памятника состоит из биографии Тимура с 1342 г. по 1381/1382 г. и так называемого «Тузуката» («Tuzūkāt-i Tīmūrī»)⁶, корректировали, либо подтверждали их содержание [Csiky 2006: 445].

² Согласно сообщениям могольских историков Казвини и Лахури, именно «Ваки ат-и Сахи-Кирани» являлось первым вариантом названия произведения [Csiky 2006: 488].

³ Под названиями «Малфузат-и Тимури» и «Тузукат-и Тимури» рассматриваемое произведение получило широкую известность в Империи Великих Моголов.

⁴ О переводах «Уложения Тимура» на европейские и другие языки см.: [Уложение Темура 1999: 4–6; Csiky 2006: 440, 441].

⁵ Об исследователях последней трети XVIII–XX вв. разделяющих подобную позицию см.: [Уложение Темура 1999: 7, 8; Csiky 2006: 440–442].

⁶ Персидское слово *tuzūk* (*тузук*) происходит от тюркского *tüzük*, которое в свою очередь является производным от глагола *tüz*, означающего ‘устраивать, приводить в порядок’. Первоначальным значением тюркского *tüzük* был ‘боевой порядок’, а с XVII в. оно стало использоваться в значении ‘автобиография’ [Csiky 2006: 440, 460, 461].

посвященного принципам управления государством, а также армией в походе и сражении [Уложение Темура 1999: 9]. Иногда «Тузукатом» называют все рассматриваемое «Уложение», включающее автобиографию и наставления, приписываемые Амиру Тимуру. В настоящей работе термины «Уложение» и «Тузукат» будут использоваться как синонимы.

Рассматриваемое произведение включает 28 указов, из которых 13 имеют отношение к армии и военному делу. В их число входят указы о выплате жалования, награждении, продвижении по службе, вооружении и снаряжении воинов различных категорий, боевом порядке армии, тактических приемах ведения сражения и др.¹

Именно последний раздел «Уложения», в котором детально описаны различные варианты построения войск перед битвой, а также порядок вступления отрядов в схватку, традиционно привлекает внимание исследователей. На основании этих описаний боевые порядки чагатайской армии были реконструированы в работах М. И. Иванина [Иванин 1875: 236–240], Е. А. Разина [Разин 2000: 234], Э. Хара-Давана и других российских, а также английских и французских авторов XIX–XX вв.. Некоторые современные российские и зарубежные исследователи также используют сведения «Уложения» как основной источник по изучению тактики чагатайских и даже золотоордынских войск². При этом не берется во внимание специфика данного источника, уже неоднократно отмеченная как историками и восто-

коведами, так и специалистами по военному делу средневековых народов.

3. Критика «Уложения» в трудах исследователей XX – начала XXI вв.

Первые сомнения в авторстве и датировке текста были высказаны еще академиком В. В. Бартольдом, который, критикуя сочинения некоторых зарубежных и российских авторов, отмечал, что «...в монографии Никитского без всякого основания присоединено поддельное „Уложение“ Тимура, сочиненное в Индии в XVII в. и несколько не характерное для Ирана XV в.» [Бартольд 1964: 201].

Схожей точки зрения придерживался и известный английский востоковед Э. Г. Браун [Browne 1951: 183–184], а также многие другие историки XX в.³

Советский и российский исследователь М. В. Горелик полагал, что «Военное установление» являлось документом XVII в., скомпилированным в Индии и приписываемым Тамерлану [Горелик 2002: 31].

Венгерский историк и лингвист Гергей Чики, тщательно изучивший текст «Уложения», пришел к выводу, что «Есть две возможные гипотезы относительно происхождения этой работы: Абу Талиб действительно нашел тюркскую рукопись, он переработал и перевел ее на персидский язык, создав труд под названием „Ваки ‘ат-и Сахиб-Кирани“ (*Vāqi ‘āt-i Šāhib-Qirāni*), который под названиями „Малфузат“ (*Malfūzāt*) или „Тузукат“ (*Tuzūkāt*) пользовался большой популярностью в Могольской Индии. Другая, более вероятная гипотеза заключается в том, что никакого тюркского оригинала никогда не существовало, поскольку анализ текста не может окончательно подтвердить его существование. В данном случае Абу Талиб просто составил свою работу, используя тимуридские источники и свои личные знания о современном Сефевидском Иране и Могольской Индии» [Csiky 2006: 439].

Несколько лет тому назад резкую оценку «Уложению» дал турецкий исследователь А. Ахат Андижан, который подробно проанализировал его в монографии, посвященной Амиру Тимуру [Andican 2019: 35–98]. По мнению А. Андижана, реальным авто-

¹ Структурно данные указы относятся к особому разделу работы — «Kangāshā u tadbīrāt», т. е. «Обсуждения и планы» [Csiky 2006: 469, 470].

² Априори предполагается, что войска Улуса Джучи применяли те же построения и тактические приемы, что и армия Амира Тимура. Не исключено, что эмир Едигей, Тимур-Кулуг, Кунче-оглан и другие золотоордынские полководцы, воевавшие под началом Амира Тимура, могли заимствовать некоторые его тактические наработки, однако автоматический перенос боевой практики чагатайских войск конца XIV – начала XV в. на армию Мамай времен Куликовской битвы представляется серьезной методологической ошибкой. Даже если в основе «Уложения» действительно лежат наставления Тимура начала XV в., это совершенно не означает, что аналогичные тактические приемы мог применять беклярбек Мамай за четверть века до составления «Тузуката».

³ Подробней о критике источника в трудах западных исследователей середины – второй половины XX в. см.: [Csiky 2006: 441, 442].

ром произведения, скорее всего, был Абу Талиб, который якобы обнаружил «Уложение» в XVII в. и перевел его на фарси. Ученый полагает, что текст «Уложения» написан с использованием источников времен Сефевидов и Великих Моголов и не может привлекаться для изучения исторических реалий эпохи Амира Тимура [Andican 2019: 98].

Постараемся разобраться в данном вопросе более подробно и оценить значение «Уложения» для реконструкции тактического искусства чагатайских войск эпохи Амира Тимура.

4. Обстоятельства и история создания «Уложения Тимура»

В первую очередь необходимо уточнить возможное время появления данного произведения. В тексте «Уложения», помимо прочего, сообщается об успешной военной кампании Тимура против «Румского султана» и «Рума», т. е. Османской империи. Данная кампания была завершена в 1403 г., а весной 1404 г. Тимур вернулся в Самарканд [Ру 2004: 278]. Таким образом, «Уложение» теоретически могло быть составлено в промежуток с весны 1404 г. до середины января 1405 г. (19 января 1405 г. Амир Тимур скончался в г. Отрар во время похода на Китай). Примерно в тот же период тимуридский историограф Низам ад-Дин Шами закончил написание «Зафар-наме» (лето 1404 г.). Однако в «Книге побед» не содержится информации ни о самом «Уложении», ни о начале работы над ним [Шомий 1996: 11–404]. Не менее показателен тот факт, что ничего не сказано об «Уложении» и в «Зафар-наме» Шараф ад-Дина, который завершил свое произведение в 1424–1425 гг. [Йазди 2008: 4]. При подготовке текста историк пользовался материалами, предоставленными тимуридскими властями (в том числе летописями, отчетами, военной документацией и т. д.). Однако среди всего массива источников ссылка на «Уложение» или хотя бы упоминание о нем не встречаются ни разу. Данные факты позволяют предположить, что главным тимуридским историографам (и современникам великого завоевателя) Низам ад-Дину Шами и Шараф ад-Дину Али Йазди не было известно о составлении и даже существовании «Тузуката».

Может быть, текст «Уложения» был секретным и предназначался исключительно

для его непосредственных адресатов — потомков Тимура? Однако и такое предположение представляется маловероятным. В документах Тимуридов (вплоть до XVII в.) отсутствуют упоминания и ссылки на текст «Уложения». Нет их и в знаменитом сочинении «Бабур-наме», созданном потомком Тимура завоевателем Индии Захир ад-Дин Мухаммадом Бабуром (1483–1530) [Бабур-наме 1993]. Когда правителю Империи Великих Моголов Шах-Джахану (годы правления: 1628–1657) был впервые преподнесен текст «Уложения», выяснилось, что данное сочинение было ему ранее неизвестно [Уложение Темура 1999: 4].

По мнению могольских историков Казвини и Абд ал-Хамида Лахори (?–1654 гг.)¹, «Уложение» было составлено по приказу Амира Тимура на тюркском языке как наставление его внуку — Пир Мухаммеду [Csiky 2006: 443, 444]. Однако подобная точка зрения была высказана уже после чудесного «обретения» текста «Уложения» в первой половине XVII в. для обоснования подлинности произведения. Ни в одном синхронном тимуридском источнике ничего об «Уложении» не сообщается. Учитывая тот пиетет, который испытывали потомки Тимура перед своим великим предком, кажется удивительным, что никто из них так никогда и не упомянул хотя бы о факте существования «Тузуката».

Весьма показательна и сама история «обретения» текста «Уложения». Данное сочинение было «обнаружено» хорасанцем Мир Абу Талибом ал-Хусайни ат-Турбати во время поездки по Аравии (которая, к слову, никогда не входила в состав державы Тимура и не являлась объектом его военно-политических притязаний) в библиотеке османского правителя Йемена Джафар-паши. По данным автора находки, произведение было, якобы, написано на чагатайском (среднеазиатском) тюрки, а Абу Талиб перевел его на фарси [Уложение Темура 1999: 3, 4; Csiky 2006: 443, 445]².

¹ Авторы таких произведений, как «Vāqī'āt-i Šāhib-Qirānī» и «Vāqī'āt-i Haḍrat-i Šāhib-Qirānī», соответственно.

² Аутентичный тюркский текст «Уложения» так и не был обнаружен. Учитывая тот факт, что правители Империи Великих Моголов говорили и читали по-тюркски, не очень понятно, зачем вообще Абу Талибу потребовалось переводить произведение на персидский язык. Изучение

Став обладателем столь важного исторического сочинения, переводчик отправился к потомкам Тимура — Бабуридам, правившим Империей Великих Моголов. Абу Талиб поступил на службу к Шах-Джахану и во время аудиенции при Могольском дворе в Агре 10 октября 1637 г. передал императору перевод текста «Уложения» [Уложение Темура 1999: 4; Csiky 2006: 444].

Интересно, что произведение вызвало у могольского правителя смешанные чувства. Так, в частности он, «...обнаружив в переводе ряд неточностей», отправил этот текст знаменитому могольскому ученому Мухаммаду Ашрафу Бухари (?–1652 гг.)¹ и приказал тому «...самым тщательным образом сличить перевод Мир Абу Талиба ал-Хусайни с известным трудом Шарафуддина Али Йазди „Зафар-наме“ и другими историческими сочинениями эпохи Темура и Темуридов, устранить ошибки и неточности, изъять вставки от переводчика и переписчика. Словом, перевод Мир Абу Талиба ал-Хусайни ат-Турбати был *исправлен и тщательно отредактирован* (здесь и далее курсив наш. — Л. Б., А. К., Zh. S., А. М.)» [Уложение Темура 1999: 3, 4].

Кроме того, могольскому историку вменялось в обязанность расширить текст произведения, дополнив его вставками из «Зафар-наме». Итогом работы ученого стало произведение «Малфузат-и Тимури», которое представляет собой расширенную версию первоначального текста, переведенного Абу Талибом на фарси и привезенного в Индию.

Точная дата завершения работ над произведением в настоящее время не установлена. Учитывая тот факт, что Мухаммед Ашраф Бухари умер в 1652 г., работа над «Уложением» могла продолжаться вплоть до 40-х гг. XVII в.²

текста «Уложения» позволило некоторым исследователям предположить, что протографа на тюрки, возможно, никогда не существовало [Csiky 2006: 439, 445].

¹ Мухаммад Ашраф (Афдаль) Бухари — ученый и писатель, верховный казий (судья) провинции Декан.

² Узбекский исследователь Б. Ахмедов, отмечает, что самый ранний известный ему список «Уложения» датируется 1661 г. [Уложение Темура 1999: 5, 6].

5. Тюркская, монгольская и персидская военная терминология в «Уложении Тимура»

Согласно данным венгерского исследователя Гергея Чики, в «Tuzūkāt-i Tīmūrī» насчитывается 75 тюркских и монгольских слов, не считая личных имен и названий племен [Csiky 2006: 446]. При этом 51 слово (т. е. 67,57 %) встречается в упомянутом выше тимуридском «Зафар-наме» первой четверти XV в. Восемь слов (onbašī, yūzbašī, miṅbašī, qulčī, qulluqčī, qonalğa, šilān и tiyūl) из оставшихся 32,43 % известны только из сефевидских источников. Четыре других слова (šiqāul, yatīš, otağa, tüzük) встречаются в Бабур-наме, что означает, что они, вероятно, были известны в тимуридской Центральной Азии начала XV в. Слова qonalğa и šilān применялись как термины налогообложения в ильханидском Иране и сохранились также в период Сефевидов. Это позволяет предположить, что они использовались и во времена правления Амира Тимура и Тимуридов. Слова kütel и čārplčār / čārplčār / čārwrplčār вызвали наибольшие сомнения венгерского лингвиста, а значение последнего слова достоверно не установлено. В то же время значения терминов в «Уложении» в целом — те же, что и в период Тимуридов, но есть несколько исключений [Csiky 2006: 468].

Многочисленность тюркских слов как будто бы свидетельствует в пользу существования протографа «Уложения» на тюрки, однако следует помнить, что эти термины могли быть заимствованы составителями сочинения как из тимуридских произведений первой четверти XV в., так и из тюркских языков XVII в. Необходимо также учитывать, что, будучи уроженцем пограничной провинции Хорасан, Абу Талиб, по всей видимости, прекрасно владел, как тюрки, так и фарси³. Кроме того, и в Сефевидском Иране и Могольской Индии власть находилась в руках элит преимущественно тюркского происхождения, что обусловило широкое использование тюркских слов и

³ Напомним, что Абу Талиб настаивал на том, что он лично перевел текст «Уложения» с тюрки на фарси. Даже если предположить, что хорасанец изначально составил текст на персидском языке, крайне маловероятно, что он рискнул бы явиться ко двору могольского императора в качестве переводчика с тюрки, не владея чагатайским языком в достаточной для этого степени.

выражений как в документации, так и разговорной речи населения империй Сефевидов и Бабуридов.

Проанализировав военную терминологию «Уложения», Г. Чики пришел к выводу, что большинство слов имеют тюркское происхождение, также встречаются термины монгольского¹ и «исламско-персидского» происхождения [Csiky 2006: 470]. При этом аутентичная тимуридская военная лексика конца XIV – начала XV вв. соседствует с терминами из более поздних исторических эпох: «... в работе выделяются три слоя. Первый слой, несомненно, восходит к периоду Тимуридов: составитель знал „Зафар-наме“ Шараф ад-Дина Али Йазди и в значительной степени опирался на нее. Второй слой работы относится к Сефевидскому Ирану. Абу Талиб Турбати, составитель этого труда, происходил из Хорасана и, возможно, был под большим впечатлением от реформ шаха Аббаса I (1588–1629), нововведения которого могли стать для него стимулом при составлении своего труда. Третий слой представлен Могольской Индией» [Csiky 2006: 439].

Некоторые тюркские военные термины, которые фиксируются в «Уложении», не встречаются в тимуридских источниках конца XIV – первой четверти XV в., но присутствуют в сефевидской военной лексике XVII в. К таким терминам относятся, например, воинские звания: *онбаши* (*onbaşı*) — ‘десятник’², *юзбаши* (*yüzbaşı*) — ‘сотник’³, *минбаши* (*minbaşı*) — ‘тысячник’⁴, слово *окчи* (*oqçı*) — ‘лучник, стрелок’ и некоторые другие [Csiky 2006: 446, 447, 456, 470]. Само по себе отсутствие данных терминов в текстах тимуридских «Зафар-наме» еще не означает, что они не использовались в войсках времен Амира Тимура и его наследников. Но, как справедливо отметил Г. Чики, «Хотя тюркская этимология вышеупомя-

нутых названий, очевидно, указывает на тюркский язык как на язык оригинала, вопрос, поднятый ранее, все еще остается без ответа: являются ли вышеупомянутые формы не переведенными деталями тюркского текста или переводчик преобразовал их в военную терминологию своего времени?» [Csiky 2006: 447].

Если в перечисленных выше случаях возможность бытования указанных слов в тимуридской военной лексике представляется весьма вероятной, то некоторые другие термины характерны именно для эпохи Сефевидов, но при этом совершенно нетипичны для второй половины XIV – начала XV в. Так, например, во времена Амира Тимура телохранители обозначались традиционным для Монгольской эпохи термином *каучин* (*qaučīn*), в то время как в «Уложении» для их обозначения используются слова *кулчи* (*qulčī*) и *кулукчи* (*qulluqčī*). Последний вариант особенно часто встречается в сефевидских источниках XVI–XVII вв. [Csiky 2006: 455, 478, 479].

Говоря о сефевидском «наследии» в тексте «Тузуката», нельзя не отметить, что оно проявляется далеко не только в отдельных словах и выражениях. По замечанию Г. Чики, описанная в «Уложении» система землевладения полностью соответствует персидскому аналогу XVII в. [Csiky 2006: 470, 474], а сословная система, организация гвардии, диванов, названия и функции административных чинов «... указывает на Сефевидский Иран, на реформы шаха Аббаса I (1588–1629)» [Csiky 2006: 487]. Эти сведения входят в противоречие с материалами тимуридских источников по профильной проблематике [Csiky 2006: 470, 471].

В тексте «Уложения» встречаются также монгольские слова и выражения, которые вошли в тюркские языки в период существования Монгольской империи, а также ее политических наследников, и сохранились у местного населения вплоть до Нового времени. Например, как в тимуридских источниках, так и в тексте «Уложения» фиксируется слово *jüldü*, которое традиционно переводится исследователями как «награда за достойный поступок» или «подарок, вознаграждение, благосклонность» [Csiky 2006: 459, 460]⁵. Однако указанный термин

⁵ Так, например, *jüldü* полагалось вручать в

¹ *Varāṅgār* ‘правое крыло’, *javāṅgār* ‘левое крыло’ и др. (см. ниже).

² Досл. «десятка (он) командир (баши)».

³ Данный термин неизвестен в персидских источниках тимуридского периода, а для передачи данного воинского звания используется термин *amīr-i šada*, т. е. «эмир сотни» [Csiky 2006: 470].

⁴ Персидским эквивалентом данного воинского звания в «Зафар-наме» является термин *amīr-i hazāra*, т. е. «эмир тысячи» [Csiky 2006: 447, 470].

имеет и более узкое значение. Весьма вероятно, что он восходит к монгольскому слову *hildü*, варианты — *üldü*, *yüldü*, мн. число *yüldüt* [Кушкумбаев 2013: 287]. Долгое время считалось, что оно переводится как «меч». Однако недавние исследования показали, что еще в середине XVIII в. термином *илду* (*ildü*) обозначались слабоизогнутые сабли с гардой в виде перекрестья [Бобров, Пастухов 2021: 775, 776]. Весьма вероятно, что данное название использовалось для обозначения подобного оружия и в более ранние исторические периоды. Тем более что сабли с перекрестьем (т. е. крестообразной и удлиненно-ромбической гардой) являлись доминирующей разновидностью длинноклинкового оружия воинов Чагатайского улуса, империи Амира Тимура и его наследников [Бобров, Хайдаков 2019: 126–140]. С учетом данного контекста термин *jüldü* в тимуридских хрониках и «Уложении» следует переводить не как абстрактную награду, а как награду или подарок в виде сабли.

6. Вооружение и тактика чагатайских войск Амира Тимура в «Уложении» и тимуридских источниках первой четверти XV в.

Комплекс вооружения, подробно перечисленный в «Уложении», в целом совпадает с оружием и доспехами чагатайских и тимуридских воинов последней трети XIV–XV вв., которые известны по синхронным письменным, изобразительным и вещественным источникам [Gorelik 1979: 40–51, 60–63; Nicolle 1990: 6–9, 12–14, 16, 18–22, 34–40; Бобров, Худяков 2002: 110–113, 143–147, 150; Бобров 2003: 75–80; Бобров 2011: 21–24, 33, 34, 42, 44; Бобров 2016: 254, 255; Бобров, Хайдаков 2019: 125–145; Бобров 2021: 30, 32–35; Бобров 2023: 464–480].

Однако некоторые сведения «Тузуката» вызывают вопросы. Так, например, согласно «Уложению» копьё (*paуza*) полагались только тысячникам, в то время как среди вооружения рядовых воинов, «бахадуров», десятников и сотников колющее длиннодревковое оружие вообще не упомянуто. Вместе с тем письменные и изобразительные источники свидетельствуют, что панцирики Амира Тимура и его наследников достаточно активно применяли копьё в ходе качества компенсации раненым воинам [Csiky 2006: 474].

боевых столкновений [Nicolle 1990: 18, 34, 36, 39, 40; Бобров 2018: 43, 44, 52; Бобров 2023: 470; илл. 2: 1].

Ничего не сообщает автор «Уложения» и о чагатайских щитах, в то время как воины Амира Тимура и его преемников весьма активно применяли как малые (ручные) щиты-калкан, так и большие станковые щиты (чапар, тура). Более того, в отдельных военных кампаниях (например, накануне вторжения на территорию Улуса Джучи в 1391 г.) великий завоеватель, согласно сообщению Абд-ар-Раззака Самарканди (1413–1482 гг.), требовал поголовного (!) оснащения щитами своих конных и пеших воинов [Золотая Орда 2003: 374]. Щиты неоднократно упомянуты на вооружении бойцов Амира Тимура и в текстах обеих «Зафар-наме» [Йазди 2008: 147, 148; Бобров 2018: 37, 41, 50; Бобров 2021: 27, 32–34].

Ранее одним из авторов настоящей статьи были проанализированы особенности тактики Амира Тимура на примере боевого порядка и тактических приемов среднеазиатских войск в сражении у р. Кондурча и других битвах конца XIV – начала XV вв. [Бобров 2018: 24–56; Бобров 2021: 22–35]. Сопоставление данных «Зафар-наме», а также иных произведений тимуридского цикла с описаниями «Уложения» показало, что между ними имеются некоторые отличия.

Рекомендуемое «Тузукатом» минимальное деление армии на девять частей-фавдж (*favj*)¹ с выделением, соответственно, центра (*qol*), правого (*baranğār*) и левого (*javanğār*) крыла (каждое из трех частей), разведки (*qaravul*) и авангарда (*hiğävül*) не совсем точно отражает боевой порядок чагатайских войск времен Амира Тимура, описанный в обеих «Зафар-наме» [Йазди 2008; Бобров 2018; Бобров 2021: 20–35].

Так, например, совершенно не упомянут резерв-чагдавул (*çağdawul*), который играл значительную роль в тактическом искусстве Амира Тимура [Бобров 2018: 26, 50; Бобров 2021: 28, 30].

В тексте «Уложения» никак не обозначен такой важнейший элемент боевого порядка чагатайских войск, как канбул (фланговое охранение и, одновременно фланговый авангард). Возможно, он подразумевается под одной из трех частей, составляющих

¹ Для сражения с противником, численность которого не превышает 12 тыс. чел.

крыло боевого построения, но даже если это так, то не понятно, почему это не оговорено особо. Во всех крупных сражениях канбул был организационно и тактически отделен от основного флангового корпуса. Он формировал отдельный корпус (кул) на самом краю боевого порядка и имел своего командира (или командиров). В оборонительном бою канбулы должны были не допустить охвата фланга чагатайской армии противником, а в наступательном, наоборот, атаковать и окружить крыло вражеской армии, зайти ей в тыл. Таким образом, активное и весьма гибкое применение мощных канбулов являлось одной из важных особенностей тактического искусства великого завоевателя [Бобров 2018: 24, 25, 27, 28, 29, 33, 35, 39–47]. Победы войск Амира Тимура в битвах у р. Кондурча, на р. Терек, сражениях у Дели и Анкары были в значительной степени обусловлены успешными действиями канбулов чагатайских войск. Тем большее удивление вызывает тот факт, что сам термин канбул, многократно повторенный авторами «Зафар-наме», даже не упомянут в тексте «Уложения», а его тактические задачи практически никак не выделены в общем рисунке боя.

Определенные вопросы вызывает и упоминание в «Тузукате» передовых подразделений (разведки-каравул и авангарда-хиравул) в качестве самостоятельных частей армии. В составе реального боевого порядка чагатайских войск (например, в сражении у р. Кондурча) хиравул не являлся самостоятельным кулом, а, по всей видимости, входил в состав авангардного корпуса (манглай) [Бобров 2018: 25]. Численность же каравула (аналога русского «сторожевого полка») традиционно была небольшой, а его функции обычно ограничивались ведением тактической разведки. Естественно, что отдельный корпус (кул) он также не составлял.

Все это побуждает с известной осторожностью отнестись к описанию боевого порядка и тактических приемов, приведенных в «Тузукате».

К схожему выводу на основе анализа текста «Уложения» пришел и Г. Чики. По его данным, в произведении отсутствуют некоторые войсковые и тактические термины, которые активно применялись в эпоху Амира Тимура. Так, например, автор

«Уложения» совершенно не использует термин монгольского происхождения *манглай* (*manglay*), т. е. «авангард» армии. Вместо него в том же значении используется термин *хиравул* (*hirevül*, *hirävül*), последний также встречается в тимуридских текстах XV в., но значительно реже, чем *манглай* [Csiky 2006: 450].

Схожая история наблюдается и с резервом / арьергардом. В «Тузукате» он упоминается крайне редко и обозначается словом 'aqab¹, в то время как в тимуридских источниках он обычно фигурирует под монгольским названием *čağdavul* [Csiky 2006: 479, 484, 486]. Всего восемь раз в «Уложении» упоминается исключительно популярный в «Зафар-наме» организационно-тактический термин *кошун* (*qoşun*) обозначающий отдельный отряд переменной численности [Csiky 2006: 453; Кушкумбаев 2014: 267–268; Бобров 2016: 26].

С другой стороны, в «Уложении» применяются термины, которые не встречаются в произведениях тимуридского круга: *чанавул* (*čarāvul*) — в значении «авангард правого крыла» и *шикавул* (*šiqāvul*) — «авангард левого крыла». Проанализировав данные термины, Г. Чики особо отметил, что у него «...возникают большие сомнения в том, что *чанавул* и *шикавул* когда-либо функционировали, как военные подразделения» [Csiky 2006: 450–453, 479].

Наконец, стоит также отметить, что в «Уложении» присутствуют и весьма характерные фактологические ошибки. Так, например, автор «Тузуката» путает трех отдельных исторических деятелей, имевших имя Бахрам (*Šēr Bahrām* — эмир Хатталана, *Bahrām Kayak* — командир разведчиков Амира Тимура, *Bahrām Jalāyir* — вождь племени джалаириров) и представляет их как одного человека [Csiky 2006: 475, 476, 480, 482, 483]. Крайне маловероятно, что подобную ошибку мог совершить современник этих людей, лично знакомый с ними. Зато подобная неточность вполне объяснима в том случае, если автор выстраивал свое по-

¹ Согласно Г. Чики, «племена, не имевшие *tamğa*, составляли арьергард 'aqab» [Csiky 2006: 462]. В «Тузукате» термин 'aqab может обозначать тыл вообще: *favjī dar pīš-i ordū u favjī dar 'aqab ta'yīn namāyand* 'Я (приказал) назначить подразделения впереди армии и одно в тылу' [Csiky 2006: 465].

вестование на основе работ предшественников из числа тимуридских историков.

7. Заключение

«Уложение» представляет собой сложное (по содержанию и структуре) составное произведение. Оно скомпилировано из следующих элементов:

1) текст, якобы обнаруженный в первой трети XVII в. в библиотеке Джафар-паши османского правителя Йемена (Южная Аравия) Абу Талибом, который перевел его на фарси¹;

2) текстовые вставки, добавленные в «Уложение» самим Абу Талибом²;

3) информация из тимуридских произведений, включенных в «Уложение» с целью «устранения ошибок и неточностей»;

4) редакторские правки Мухаммеда Ашрафа Бухари, сделанные в конце 30–40-х гг. XVII в.

Выявление в «Уложении» аутентичных сведений и позднейших добавлений является важной, но весьма трудоемкой научной задачей. При этом очевидно, что некритичное автоматическое перенесение сведений «Уложения» на военные реалии Чагатайского ханства и, тем более, Золотой Орды конца XIV – начала XV вв. является серьезной методологической ошибкой.

Означает ли это, что «Уложение» совершенно бесполезно для реконструкции тактического искусства чагатайской армии эпохи Амира Тимура? На наш взгляд, нет. Даже если предположить, что весь текст «Уложения» был написан авторами XVII в., основой для него послужили документы конца XIV–XV вв. Некоторые описания, а также отдельные фразы и речевые обороты в «Зафар-наме», характеризующие боевые построения и тактические приемы армии Амира Тимура, его соратников и противников, иногда остаются непонятыми современными переводчиками и исследователями. Зато они очевидны и логичны для авторов позднего Средневековья. В данной

¹ Весьма вероятно, что указанный текст был составлен самим Абу Талибом или каким-то другим автором на основе компиляции различных источников и никогда не имел единого пролога на тюрки.

² Согласно требованию Шах-Джахана, они должны были быть удалены из «Уложения», однако насколько полно была решена данная задача, неизвестно.

связи материалы «Уложения» могут привлекаться для «дешифровки» сложных тактических приемов и построений, упомянутых в текстах «Зафар-наме». Однако привлечение данных из «Уложения» для реконструкции чагатайской тактики конца XIV–XV вв. может быть признано оправданным только в тех случаях, когда сведения «Уложения» не противоречат надежно датированным сообщениям тимуридских источников.

Таким образом, актуальной научной задачей является сличение описаний боевых порядков и тактических приемов чагатайских войск, упомянутых в «Зафар-наме», и соответствующих описаний в тексте ««Тузукат-и Темури». После проведения подобной работы профильная информация «Уложения» может привлекаться в качестве дополнительного источника по изучению тактического искусства Амира Тимура и его полководцев.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Судя по упоминанию в тексте «Уложения» успешной военной кампании чагатайских войск против Османской империи, произведение теоретически могло быть составлено с весны 1404 г. до середины января 1405 г. как наставление Амира Тимура его наследнику — Пир Мухаммеду (1376–1407 гг.). Предполагается, что автором «Тузуката» мог быть либо сам великий завоеватель, либо кто-то из его доверенных лиц.

Однако в крупнейших тимуридских исторических сочинениях, посвященных Амиру Тимуру: книге «Зафар-наме» Низам ад-Дин Шахи (1404 г.) и одноименном труде историка Шараф ад-Дина Али Йазди (1424–1425 гг.) информация об «Уложении» и даже просто упоминания о нем отсутствуют. Ничего не знали о «Тузукате» наследники и потомки Амира Тимура, в том числе Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, Шах-Джахан и др. Вплоть до XVII в. нет никаких свидетельств, подтверждающих факт существования данного произведения.

Написанное на среднеазиатском тюрки «Уложение» было якобы обнаружено в библиотеке османского Джафар-паши в Йемене (Южная Аравия) хорасанским путешественником Мир Абу Талибом ал-Хусайни ат-Турбати. По его словам, он перевел произведение на фарси (судьба оригинального текста на тюрки неизвестна), а затем отправился в Индию, где 10 октября 1637 г.

преподнес свой перевод дальнему потомку Амира Тимура — правителю Империи Великих Моголов Шах-Джахану, который взял его на службу. При прочтении могольским императором текста в нем были обнаружены ошибки и неточности, исправить которые было поручено могольскому ученому Мухаммеду Ашрафу Бухари.

Собранные и проанализированные в настоящей работе материалы позволяют выдвинуть две основные версии истории создания «Уложения». Согласно первой, в основе произведения действительно лежит некий протограф на тюрки начала XV в. или более позднего времени, который был переведен на фарси Абу Талибом, а впоследствии существенно доработан и переоформлен Мухаммедом Ашрафом Бухари.

Однако более вероятно, что первоначального текста на тюрки никогда не существовало. Само произведение было составлено Абу Талибом или каким-то иным автором на основе компиляции тимуридских источников конца XIV – первой четверти XV вв., а также более поздних (в том числе сефевидских) материалов. Данный текст был обработан и переделан могольскими историками.

В любом случае свой окончательный вид «Уложение» обрело не ранее второй четверти XVII в. Проведенный зарубежными и отечественными исследователями анализ текста «Тузуката» показал, что он состоит из трех ключевых элементов: пересказа и интерпретации тимуридских материалов (и в первую очередь «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди), сефевидских и, возможно, могольских реалий XVII вв., а также сведений, не встречающихся в других известных мусульманских источниках XV–XVII вв. (последние могут являться, в том

числе, результатом неверного истолкования оригинальных тимуридских произведений).

Применительно к теме настоящего исследования стоит отметить, что описания вооружения и тактики чагатайских войск в «Уложении» не всегда совпадают с реалиями эпохи Амира Тимура и его ближайших преемников.

Тем не менее «Уложение» представляет определенный интерес для изучения военно-культурного наследия Амира Тимура в целом и его тактического искусства в частности. Тщательное сличение и комплексный анализ текста «Уложения» с тимуридскими материалами конца XIV – первой четверти XV вв. может помочь уточнить некоторые важные нюансы, связанные с боевыми построениями и тактическими приемами чагатайских войск, которые остаются не до конца понятными для современных ученых, но были вполне очевидными для авторов XVII в. При этом необходимо отделять собственно тимуридскую боевую практику от позднейших нововведений сефевидского и могольского времени, привнесенных в текст произведения в момент его составления. В случае успешного решения данной научной задачи материалы «Уложения» займут важное место в составе источниковой базы по военному искусству народов мусульманского Востока эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

Наиболее перспективными направлениями подобных исследований, на наш взгляд, являются разделы «Уложения», связанные с особенностями боевого построения (в том числе структурными элементами отдельных корпусов-кулов), очередностью вступления в бой войсковых частей и подразделений, составом и тактическими задачами хиравула во время битвы и некоторые другие.

Литература

- Бабур-наме 1993 — *Бабур-наме*: Записки Бабур-наме / пер. М. А. Салье. Изд. 2-е, дораб.. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993. 464 с.
- Бартольд 1964 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 1964. 661 с.
- Бобров 2003 — *Бобров Л. А.* Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV–XVII в.) (начало) // *Para-Bellum*. 2003. № 17. С. 71–102.

- Бобров 2011 — *Бобров Л. А.* Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. 54 с.
- Бобров 2016 — *Бобров Л. А.* Джеханшах-бек — великий «бахадур» на службе Амира Тимура (к вопросу о высшем командном составе среднеазиатского завоевателя) // *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. Ч. I. СПб: ВИМАИВиВС, 2016. С. 247–263.

- Бобров 2018 — *Бобров Л. А.* Военачальники чагатайской армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1. № 3. С. 23–62.
- Бобров 2021 — *Бобров Л. А.* «Выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды...». К вопросу о некоторых особенностях тактического искусства Амира Тимура // *Universum Humanitarium*. 2021. № 1. С. 17–40. DOI: 10.25205/2499-9997-2021-1-17-40
- Бобров 2023 — *Бобров Л. А.* Чагатайские и тимуридские панцирные нарукавья последней трети XIV – начала XVI в. и их дериваты // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 464–482. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482
- Бобров, Пастухов 2021 — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалу «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 770–796. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796
- Бобров, Хайдаков 2019 — *Бобров Л. А., Хайдаков К. С.* «Тимуридская» сабля из Самарканда // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, Филология*. 2019. Т. 18. № 5: Археология и этнография. С. 125–145. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-5-125-145
- Бобров, Худяков 2002 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // *Военное дело номадов Северной и Центральной Азии: сб. ст. / под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева*. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 106–168.
- Горелик 2002 — *Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный Горизонт, 2002. 84 с.
- Золотая Орда 2003 — *Золотая Орда в источниках*. Ч. 1. Извлечения из сочинений арабских. Ч. 2. Извлечения из сочинений персидских / сост., введ. ст. и комм. Р. П. Храпачевского. М. Центр по изучению военной и общей истории, 2003. 448 с.
- Ибяттов 2003 — *Ибяттов Ф. М.* Тохтамыш и Тимур. Значение болгаро-татарского фактора в крупнейшей военной эпопее XIV века. Казань: Искусство России, 2003. 400 с.
- Иванин 1875 — *Иванин М. И.* Состояние военного искусства у среднеазиатских народов // *О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане*. СПб.: Общественная польза, 1875. С. 129–231.
- Йазди 2008 — *Йазди Шараф ад-Дин Али*. Зафарнаме. Ташкент: SANAT, 2008. 486 с.
- Костюков 2010 — *Костюков В. П.* Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. / под ред. И. М. Миргалеева. Казань: ФЭН, 2010. 200 с.
- Кушкумбаев 2013 — *Кушкумбаев А. К.* Оригинальные названия предметов вооружения золотоордынских воинов как исторический источник // *Кыпчаки Евразии: история, язык и письменные памятники: Междунар. науч. конф. (г. Астана, 29–30 мая 2013 г.)*. Астана, 2013. С. 283–292.
- Кушкумбаев 2014 — *Кушкумбаев А. К.* Тактическое построение войск в монгольскую эпоху // *Золотоордынская цивилизация*. 2014. № 7. С. 252–279.
- Миргалеев 2003 — *Миргалеев И. М.* Войны Тохтамыш-хана с Аксаком Тимуром. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 88 с.
- Миргалеев 2007 — *Миргалеев И. М.* Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 108 с.
- Миргалеев 2011 — *Миргалеев И. М.* Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром // *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения*. Казань: Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 170–182.
- Разин 2000 — *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 2: [VI в. – XVI в.]. СПб.: Полигон, 2000. 653 с.
- Ру Ж.-П. 2004 — *Ру Ж.-П.* Тамерлан. М.: Мол. гвардия, 2004. 296 с.
- Уложение Темура 1999 — *Уложение Темура*. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1999. 148 с.
- Шомий 1996 — *Шомий Н.* Зафарнома. Тошкент: Узбекистон, 1996. 528 б.
- Andican 2019 — *Andican A. Ahat*. Emir Timur. Tarih, Siyaset, Miras. Istanbul: Selenge Yayinlari, 2019. 926 s.
- Browne 1951 — *Browne E. G.* A Literary History of Persia. Vol. III. The Tartar Domination (1265–1502). Cambridge: Cambridge University Press, 1951. vii-xi, 586 p.
- Csiky 2006 — *Csiky G.* The Tuzūkāt-i Timūrī as a Source for Military History // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2006. Vol. 59(4). Pp. 439–491.
- Gorelik 1979 — *Gorelik M.* Oriental Armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in Works of Art // *Islamic Arms and Armour / ed. by R. Elgood*. London: Scholar Press, 1979. Pp. 30–63.
- Kadoi 2010 — *Kadoi Y.* On the Timurid Flag // *Beitrag zur Islamischen Kunst und Archäologie*. Band 2. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2010. Pp. 143–162.
- Manz 1989 — *Manz B. F.* The rise and rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press. 1989. xi, 227 p.
- Manz 1997 — *Manz B. F.* Military Manpower in Late Mongol and Timurid Iran // *L'Héritage timouride, Iran-Asie centrale-Inde XVe–XVIIIe siècles, Cahiers d'Asie centrale 3–4*. Pp. 43–55.
- Nicolle 1990 — *Nicolle D.* The Age of Tamerlane

/ A. McBride (ill.). Oxford: Osprey Publishing Ltd., Bloomsbury Publishing, 1990. 63 p.

Roux 1991 — *Roux J.-P.* Tamerlan. Paris: Fayard, 1991. 304 p.

References

- Andican A. Amir Timur: History, Politics, Heritage. Istanbul: Selenge, 2019. 926 p. (In Turk.)
- Babur. *Bāburnāma*. M. Salye (transl.). Second edition, rev. Tashkent: Chief Directorate of Encyclopedias, 1993. 464 p. (In Russ.)
- Bartold V. V. Writings. Vol. 2. Pt. 2. Moscow: Nauka, 1964. 661 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. “Among the troops he chose brave warriors, who were battling through ranks...”. On some peculiar aspects of Amir Timur’s tactical art. *Universum Humanitarium*. 2021. No. 1. Pp. 17–40. (In Russ.) DOI: 10.25205/2499-9997-2021-1-17-40
- Bobrov L. A. Chagatai and Timurid plated armguards of the late 14th to early 16th centuries and their derivatives. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 464–482. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482
- Bobrov L. A. Commanders of the army of Amir Timur in the Battle of Conduchi (1391). *Turkological Studies (Tyurkologicheskie issledovaniya)*. 2018. Vol. 1. No. 3. Pp. 23–62. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Dzhekhanshakh-Bek — prominent ‘Bahadur’ in the service of Amir Timur: Approaching the issue of senior officers in Tamerlane’s army. In: Yefimov S. V. (ed.) *War and Weapon: New Studies and Materials. Conference proceedings (St. Petersburg, 18–20 May 2016)*. Pt. 1. St. Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps, 2016. Pp. 247–263. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Iron hawks of Transoxiana: Personal armor of Central Asia and adjacent regions, late fifteenth to seventeenth centuries. Introduction. *Para-Bellum*. 2003. No. 17. Pp. 71–102. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Personal Armor of Central and Mainland East Asia, Mid-Fourteenth to Nineteenth Centuries: Key Evolution Trends. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Barnaul, 2011. 54 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khaidakov K. S. A “Timurid” Saber from Samarkand. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2019. Vol. 18. No. 5: Archaeology and Ethnography. Pp. 125–145. (In Russ.) DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-5-125-145
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Personal armor of late medieval Central Asian warriors. In: Khudyakov Yu. S., Skobelev S. G. (eds.) *Military Science of North and Central Asian Nomads. Collected papers*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2002. Pp. 106–168. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Weapons and banners of Dzungaria’s Oirats, mid-18th century: A case study of Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 770–796. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796
- Browne E. G. A Literary History of Persia. Vol. 3: The Tartar Domination (1265–1502). Cambridge: Cambridge University Press, 1951. VII–XI, 586 p. (In Eng.)
- Csiky G. The Tuzūkāt-i Timūrī as a source for military history. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2006. Vol. 59(4). Pp. 439–491. (In Eng.)
- Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. In: Elgood R. (ed.) *Islamic Arms and Armour*. London: Scolar Press, 1979. Pp. 30–63. (In Eng.)
- Gorelik M. V. *Mongol-Tatar Armies, Tenth to Fourteenth Centuries: Military Science, Armor, Weaponry*. Moscow: Vostochnyi Gorizont, 2002. 84 p. (In Russ.)
- Ibyatov F. M. Tokhtamysh and Timur: Significance of the Bulgar-Tatar Factor in the Largest Military Campaign of the Fourteenth Century. Kazan: Iskusstvo Rossii, 2003. 400 p. (In Russ.)
- Ivanin M. I. Military skills of Central Asian peoples. In: *More on Military Science and Mongol-Tatar Invasions under Genghis Khan and Tamerlane*. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, 1875. Pp. 129–231. (In Russ.)
- Kadoi Y. On the Timurid flag. In: *Beiträge zur Islamischen Kunst und Archäologie*. Vol. 2. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2010. Pp. 143–162. (In Eng.)
- Khrapachevsky R. P. (comp.) *Golden Horde in Written Sources*. Pt. 1: Collections from Arabic Sources. Pt. 2: Collections from Persian Sources. Moscow: Center for the Study of Military and General History, 2003. 448 p. (In Russ.)
- Kostyukov V. P. *Golden Horde: Ulus of Shiban, Thirteenth–Fourteenth Centuries*. I. Mirgaleev (ed.). Kazan: Fen, 2010. 200 p. (In Russ.)
- Kushkumbaev A. K. Original weapon names of the Golden Horde as a historical source. In: *The Kipchaks of Eurasia. History, Language, and Written Records. Conference proceedings (Astana, 29–30 May 2013)*. Astana, 2013. Pp. 283–292. (In Russ.)
- Kushkumbaev A. K. The tactical formation of troops in the Mongol period. *Golden Horde Civilization*. 2014. No. 7. Pp. 252–279. (In Russ.)
- Manz B. F. Military manpower in Late Mongol and Timurid Iran. In: Szuppe M. (ed.) *L’héritage timouride : Iran – Asie centrale – Inde, XVe-*

- XVIIIe siècles (Cahiers d'Asie centrale 3–4). Pp. 43–55. (In Eng.)
- Manz B. F. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. XI, 227 p. (In Eng.)
- Mirgaleev I. M. *Tokhtamysh-Timur Wars*. Kazan: Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2003. 88 p. (In Russ.)
- Mirgaleev I. M. Toktamish-chań's battle with Aksak Timur. In: Mirgaleev I. M. (comp., ed.) *Military Science of the Golden Horde: Problems and Prospects of Studying*. Kazan: Foliant, Märcańi Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2011. Pp. 170–182. (In Russ.)
- Mirgaleev I. M. *Wars between the Golden Horde and Tamerlane's Empire: Historical Materials*. Kazan: Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2007. 108 p. (In Russ.)
- Nicolle D. *The Age of Tamerlane*. A. McBride (ill.). Oxford: Osprey Publishing Ltd., Bloomsbury Publishing, 1990. 63 p. (In Eng.)
- Nizam al-Din Shami. *Zafarnama*. Yu. Khakimzhanov (transl.), A. Urunbayev (ed.). Tashkent: Uzbekistan, 1996. 528 p. (In Uzb.)
- Razin E. A. *History of Military Science*. Vol. 2: Sixth to Sixteenth Centuries. St. Petersburg: Poligon, 2000. 653 p. (In Russ.)
- Roux J.-P. *Tamerlane*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2004. 296 p. (In Russ.)
- Roux J.-P. *Tamerlane*. Paris: Fayard, 1991. 304 p. (In Fr.)
- Sharaf ad-Din Ali Yazdi. *Zafarnama*. Tashkent: San'at, 2008. 486 p. (In Russ.)
- Tamerlane. *The Code of [Amir] Timur*. Tashkent: Gulom Literature and Arts Press, 1999. 148 p. (In Russ.)

